

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.А. Лукьянова

*д.ю.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ, КОРРУПЦИЯ И КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ

Аннотация. Вплоть до последнего времени вопросы противодействия коррупции и проблемы конституционного права изучались изолированно друг от друга. Хотя именно антикоррупционный взгляд на многие правовые вопросы позволяет расширить инструментарий государственного управления.

Автор анализирует так называемое уравнение коррупции Роберта Клитгаарда: «Коррупция = Монополия + Свобода действий – Подотчетность». В статье предлагается формулировка «уравнения антикоррупции», переведенная на юридический язык: «Регулярная сменяемость власти + Власть, ограниченная правом + Система сдержек и противовесов». Автор выдвигает и обосновывает гипотезу, что совокупность антикоррупционных требований составляет формулу демократического правового государства, функционирующего в условиях приоритета прав человека и соблюдения принципа верховенства права. И наоборот, «коррупционное» уравнение Клитгаарда в том же юридическом переводе составляет формулу авторитарного политического режима.

В статье анализируются различные классификации коррупции и отмечается особая опасность политической коррупции. Только она носит всеобъемлющий системный характер и использует для достижения коррупционных целей инфраструктуру всего политического процесса, а не отдельного ведомства или отдельной публичной должности. В условиях республиканского правления власть как правило не афиширует своих коррупционных целей и вынуждена имитировать демократические процессы, подменяя их на деле авторитарными практиками. Механизмы политической коррупции, таким образом, становятся средством для нивелирования конституционализма. Вместе с тем, среди факторов питательной среды коррупции авторитарный политический режим не всегда первичен. В ряде случаев он создается искусственно специально под определенные коррупционные цели.

В обоснование заявленных тезисов автор анализирует конституционные трансформации в странах СНГ в свете антикоррупционных исследований.

Ключевые слова: *политические режимы, конституционализм, коррупция, верховенство права, система сдержек и противовесов, разделение властей.*

JEL: D72, D73, K00, K19, L38.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10108

Эту статью можно начать с двух, казалось бы, парадоксальных утверждений, а потом попытаться доказать их право на существование. Первое утверждение состоит в том, что уравнение коррупции, выведенное классиком антикоррупционных исследований американским экономистом профессором Робертом Клитгаардом «Коррупция = Монополия + Свобода действий – Подотчетность» есть формула авторитарной власти [Klitgaard, 1988. P. 230].

Второе утверждение заключается в том, что конституционные трансформации многих стран – бывших республик СССР могут быть охарактеризованы как имеющие заведомо коррупционный характер. Попробуем разобраться.

Российский ученый-государствовед Станислав Шевердяев в своей работе «Конституционное право и коррупция: введение в проблему» констатирует, что вплоть до последнего времени вопросы противодействия коррупции и проблемы конституционного права

изучались изолированно друг от друга. Хотя в последние годы был накоплен огромный массив знаний, позволяющих выявлять глубинные причины коррупционной болезни, которые, как выясняется, во многом лежат в недостатках государственного строительства [Шевердяев, 2016а. С. 13, 39]. «Несмотря на то, что современные политологические и экономические исследования о проблемах коррупции, а также общий курс международной антикоррупционной повестки явно указывают на необходимость анализа глубинных причин коррупции, которые могут скрываться в особенностях государственной организации разных стран, – пишет он, – конституционно-правовая наука до последнего времени стояла в стороне от этой проблематики».

К сожалению, все обстоит именно так. Не только в России, но и в других странах юристы при проверке своих выводов практически не используют тот огромный багаж знаний, который накоплен за последние полвека в области борьбы с коррупцией. Хотя, похоже, что именно антикоррупционный взгляд на многие правовые вопросы является самой лучшей оптикой, позволяющей государствоведению разглядеть неувиденное и понять непознанное. В свою очередь, выводы юристов, сделанные с учетом антикоррупционной теории, тоже могли бы усилить и уточнить ее. Невероятно ценны антикоррупционные знания для процесса познания сути и смыслов современных политических режимов. Примененный в этом процессе инструментарий и угол зрения антикоррупционных исследований можно, пожалуй, сравнить с техникой последнего штриха резца мастера, после которого глыба мрамора превращается в законченное и выпукло-цельное произведение – в Пиету. Это прекрасно видно на примере анализа современных конституционных трансформаций ряда постсоветских государств.

Коррупция – власть – политический режим

Коррупция как явление сопровождает развитие человеческой цивилизации с древнейших времен. Изначально латинский термин «*corruptio*» (греческое – «грязь») имел больше десятка значений – от повреждения желудка плохой пищей, расточения состояния, упадка нравов и истощения источника до ущемления свободы и обольщения женщин и др. Это слово касалось самых разных сторон жизни, но всегда имело негативно-разрушительную коннотацию. Позже в римском праве образовался самостоятельный термин, который предполагал участие в противоправной деятельности нескольких лиц, целью которых являлась порча или повреждение нормального хода судебного процесса или процесса управления делами общества, а также подкуп судьи (претора) [Бондаренко, 2002. С. 8]. То есть понятие коррупции как грязи стало ассоциироваться именно с государством. Таким оно дошло до наших дней. Но вопрос о том, является ли феномен коррупции онтологически присущим всякой публичной власти, продолжает будоражить ученые умы. Действительно ли «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно»? Верна ли эта максима английского историка лорда Дж. Актона?

Безусловно одно – в коррупционном взаимодействии стороной всегда должен быть некто располагающий публичным статусом и возможностями распоряжаться вверенной ему властью. Причем возможности этого статуса используются им не по прямому назначению, не в связи с достижением задач, ради которых данная публичная позиция была создана, а в соответствии с собственными интересами или личными представлениями [Шевердяев, 2016а. С. 19]. То есть все-таки именно власть (властное полномочие) является основой и лучшей питательной средой для коррупции. Но не только государственная власть и не всякая государственная власть.

Поэтому из всех определений коррупции наиболее точным является то, в соответствии с которым коррупцией признается злоупотребление возложенными на должност-

ное лицо полномочиями с целью личного обогащения [*Основные понятия и концепции антикоррупционной деятельности*, 2015. С. 12]. Это определение, используемое международной организацией Transparency International, шире и точнее, нежели определение ООН¹, в котором речь идет о злоупотреблении только государственной властью. Ограничение понимания коррупции исключительно государством выводит за рамки антикоррупционной дискуссии проблемы коррупции в органах местного самоуправления, в общественных организациях и в коммерческих структурах. Понимая это, здесь мы все же будем говорить о коррупции, связанной именно с властью, поскольку трансформация политических режимов происходит при ее непосредственном целеполагании и участии.

Анализируя условия возникновения коррупционных отношений, американский экономист Роберт Клитгаард вывел так называемое уравнение коррупции. Это то самое уравнение, о котором мы говорили в начале статьи: «Коррупция = Монополия + Свобода действий – Подотчетность». Данная формула означает, что коррупция всегда возникает при сочетании следующих условий: 1) решение, которое хотел бы «купить» коррупционер для своей выгоды, принимается только одним субъектом (монополия); 2) границы полномочий субъекта-монополиста размыты (не вполне определены), отсутствуют критерии и четкая процедура вынесения решения (свобода действий); 3) не предусматривается действенных инструментов контроля за качеством выносимых решений (подотчетность). Соответственно, это уравнение является и уравнением антикоррупции. То есть, если власть является регулярно сменяемой (отсутствие монополии), если установлен четкий и закрытый перечень полномочий, минимизированы условия для административного усмотрения (правовая определенность), созданы жесткие регламенты и процедуры деятельности органов власти и должностных лиц (отсутствие свободы) и учреждены механизмы внешнего контроля со стороны других (специальных и/или руководящих) органов, СМИ и институтов гражданского общества (подотчетность), то пространство для коррупционного поведения сужается или исчезает совсем [*Бондаренко*, 2002. С. 40].

Переведенное на юридический язык уравнение антикоррупции будет выглядеть примерно так: «Регулярная сменяемость власти + Власть, ограниченная правом + Система сдержек и противовесов». Некоторые ученые включают в содержание этого уравнения принципы разделения властей, народовластия и верховенства права [*Шевердяев*, 2016b. С. 77; *Троицкая*, 2016. С. 493, 496, 500].

Получается, что совокупность антикоррупционных требований составляет формулу демократического правового государства, функционирующего в условиях приоритета прав человека и соблюдения принципа верховенства права. И наоборот, «коррупционное» уравнение Клитгаарда в том же юридическом переводе составляет формулу авторитарного политического режима: «Монополия и несменяемость власти + концентрация и размытость полномочий при отсутствии процедур + отсутствие сдержек и противовесов, подавление оппозиции, уничтожение независимых СМИ и контрольных институтов гражданского общества». Отсюда предварительный вывод – коррупция онтологически в меньшей степени присуща демократической власти, потому что ее политические институты сами по себе более эффективны. Да и по своей мотивации такая власть отрицательно-коррупционна и в ее конструкции присутствует институциональный потенциал для сужения пространства коррупционного поведения. Демократия обеспечивает существование сильного гражданского общества, которое обеспечивает заслон коррупционному поведению. А авторитарной власти коррупция присуща онто-

¹ В Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией 1995 г. (A/CoNf. 169/14. 1995. 13 Apr.) коррупция понимается как «злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях».

логически. Эта власть изначально коррупционно патогенна, а ее институциональная конструкция идеально предназначена для реализации и воспроизводства коррупционных практик.

Поэтому вполне закономерно, что развитие представлений о коррупции и о способах борьбы с ней по времени и по смыслу непосредственно связано с идеями о надлежащем порядке управления общими делами, чему коррупция всегда препятствует. И чем большее внимание уделяется справедливому демократическому устройству государства и общества, тем больше требований предъявляется к освобождению этого устройства от коррупционных практик и тем больше сужается пространство для коррупционного поведения. Если раньше коррупция традиционно связывалась лишь с индивидуальными противоправными актами отдельно взятых морально неустойчивых коррупционеров, то современные исследования убедительно показывают, что в основе коррупции лежат не просто корыстные мотивы плохо воспитанных семей и школой злоумышленников, а негодное устройство системы взаимодействия по поводу власти и собственности, которая не только не препятствует, но прямо способствует развитию коррупции.

Не менее закономерно и то, что начало научного исследования коррупции как явления совпадает по времени со сменой абсолютных монархий на демократические формы правления государств (ограниченные монархии или республики). До этого в феодальной абсолютистской Европе многие действия, которые сегодня относятся к коррупционным, считались совершенно нормальной практикой ведения дел. И иначе быть не могло. В абсолютистских государствах различий между публичными и частными интересами носителей власти не существовало. Государства были личным уделом и наследуемой собственностью монарших фамилий, а, значит, постановка вопроса об использовании публичного статуса для частной выгоды была по меньшей мере лишена смысла. Этот смысл появился только тогда, когда государство стало рассматриваться как оплачиваемая налогоплательщиками услуга, качество которой они вправе оценивать. То есть с высоты сегодняшних представлений и знаний вся абсолютная монархическая власть была по своей природе политически коррупционной. И, наверное, самым коррупционным в силу своих особенностей было российское самодержавие. Но современники его таковым не считали. Идея о необходимости познания феномена коррупции и борьбы с ним стала востребована только тогда, когда в общественном сознании была проведена жесткая разделительная черта между публичными и частными интересами представителей власти и изменились критерии оценки их деятельности.

В постиндустриальном мире все больше людей стали воспринимать институт государства не как некую данную им свыше сакральную сущность, а как добровольную политическую ассоциацию, основанную на договоре. В силу этого договора люди передают часть своей свободы и власти государству. В договорном государстве источником власти являются только его граждане. И именно они определяют границы участия государства в регулировании общественных отношений и пределы полномочий публичной власти по принципу «мы ваши работодатели». Именно граждане наделяют государственные органы необходимыми для этого правами и обязанностями, контролируя качество государственных услуг. Коррупция же, наоборот, исходит из позитивистского принципа «принято – извольте исполнять». Поэтому любая внеконституционная поправка текущего законодательства в условиях действия этого принципа разрушает правила функционирования договорного государства. Именно поэтому государственная коррупция стала восприниматься людьми как проявление социальной несправедливости и угроза не только государству, но и лично каждому из граждан.

Возникшая в середине XX в. международная антикоррупционная повестка ознаменовала собой период массового осознания новой роли и значения государства. 1 октября 1996 г., когда на ежегодном собрании Всемирного банка его президент Дж. Вулфенсон

открыто назвал коррупцию «раковой опухолью» и барьером на пути развития, эта повестка достигла своего пика и обозначила начало современного этапа транснациональной антикоррупционной мысли. Именно с середины 90-х годов прошлого века после окончания холодной войны и прекращения финансирования коррупционных режимов для образования блоков коррупция и борьба с ней стали восприниматься как мировая, общая для всех государств проблема, требующая пристального внимания и всесторонних исследований [Нисневич, 2015. С. 95].

Да, конечно, массовая трансформация общественного сознания, приведшая к постановке вопроса о необходимости объединения усилий разных стран для противодействия коррупции произошла только тогда, когда в мире резко уменьшилось число абсолютистских государств. Но изменение формы правления вовсе не означает автоматического перехода к демократическому политическому режиму. Республика и ограниченная монархия, безусловно, предоставляют больше возможностей для его установления. Но так, увы, бывает не всегда. Даже конституционно провозглашенный и институционально легитимированный демократический режим может быть изменен на противоположный, поскольку политические режимы в процессе жизнедеятельности государств по самым разным причинам трансформируются от авторитарных к демократическим и наоборот. Например, в 1984 г. около половины всех стран в мире были автократическими и только около четверти демократическими. Через 20 лет – в 2004 г. ученые зафиксировали уже совсем другую ситуацию – половина стран в этот период была демократической и только 15% автократическими [Фьелде Ханне, Хегре Хавард, 2014]. Еще через десять лет демократия в ряде стран вновь качнулась в сторону авторитаризма. И вместе с этими трансформациями режимов колебались уровни коррупции, поскольку, как уже говорилось, высокий уровень коррупции прямо пропорционален высокому уровню авторитаризма и обратно пропорционален высокому уровню демократии.

Высокий и очень высокий уровни коррупции характерны практически для всех государств с правящими тоталитарными и авторитарными режимами личной власти или корпоративного типа. Исключение составляет остров-государство Сингапур, публичную власть которого с 1959 по 1990 годы возглавлял и до самой своей смерти в 2015 г. контролировал уникальный политик Ли Куан Ю, мотивированный с момента прихода к власти исключительно служением делу искоренения коррупции и экономического развития своей страны. В решении этих задач Сингапур под руководством Ли Куан Ю добился впечатляющих успехов. По результатам исследований Трансперенси Интернешнл² и Всемирного банка³ он уже на протяжении многих лет входит в группу государств с низким уровнем коррупции и лидирующих по темпам экономического развития.

Еще одно исключение – военный авторитарный режим Пиночета в Чили. Важнейшим фактором его экономического успеха было последовательно проведенное *разделение власти и собственности*. Государство полностью, за исключением добычи меди, ушло из экономики. У государственных институтов и отдельных чиновников не было собственных экономических интересов, и они не контролировали собственника через механизмы прямой и завуалированной коррупции. По данным «Transparency International», Чили – наименее коррумпированная из всех латиноамериканских стран, далеко оторвавшаяся по этому показателю от их основного массива [Ворожейкина, 2009. С. 65].

Несколько лучше, чем в других странах с правящими тоталитарными и авторитарными режимами, обстоят дела с коррупцией еще в десяти небольших по численности населения и территории государств Персидского залива с монархической

² Transparency International Corruption Perceptions Index.

³ The World Bank. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project.

формой правления и авторитарными режимами личной власти (в частности, Катар и ОАЭ). Обусловлена такая ситуация тем, что правители этих государств выступают в роли «стационарного бандита» – являясь главными бенефициарами национальной экономики. Эти правители рассматривают коррупцию должностных лиц государственного аппарата среднего и нижнего уровня как угрозу их личным интересам и потому нещадно ее искореняют.

Во всех остальных государствах с тоталитарными и авторитарными режимами, которые составляют порядка одной трети от всех суверенных государств современного мира, коррупция, по результатам исследований Трансперенси Интернешнл и Всемирного банка, находится, как уже говорилось, на высоком и очень высоком уровнях. В том числе даже там, где против коррупционеров применяются жесткие карательные меры вплоть до смертной казни, как, например, в Китае [Нисневич, 2014. С. 39]. Такое положение более чем закономерно. Вероятность того, что авторитарный режим избежит коррупционной участи очень-очень мала, поскольку лежит исключительно в плоскости целеполагания своего лидера.

Справедливости ради надо отметить, что и демократия не является абсолютной панацеей от коррупционной болезни. Даже стабильные демократические государства иногда оказываются достаточно высоко коррупционными. Из 194 суверенных государств-членов ООН только 22–23 государства побороли эту болезнь и живут с низким уровнем коррупции. Но одно безусловно – все эти государства, кроме Сингапура, являются устойчивыми демократиями [Нисневич, 2013]. В любом случае уровень коррупции в недемократических режимах кратно выше, нежели в демократических. Потому что как бы не приспособливался и не мутировал коррупционный вирус, борьба с ним вручную и поинститутно в демократических государствах дает гораздо более быстрый результат, нежели при системно-коррупционных авторитарных режимах.

Политическая коррупция

Австрийский писатель и публицист Карл Краус сравнил коррупцию с первой древнейшей профессией. «Коррупция хуже проституции, – написал он, – проституция ставит под угрозу нравственность одного человека, коррупция ставит под угрозу нравственность целой страны» [Многолика коррупция, 2010. С. 31]. Но коррупция бывает разная. Учеными выявлено большое число различных видов коррупции [Аверкиев, Калягин, 2005. С. 66; Шевердяев, 2016а. С. 15–28, 90–126]. Из всех этих видов самой опасной является коррупция политическая, потому что поставить под угрозу нравственность целой страны может только она. Наверное, именно поэтому только о ней идет речь в определении ООН. В отличие от всех других видов только политическая коррупция не является эпизодической, а носит всеобъемлющий системный характер и использует для достижения коррупционных целей инфраструктуру всего политического процесса, а не отдельного ведомства или отдельной публичной должности (в том числе для незаконного удержания власти, укрепления политического статуса, накопления богатства и т.д.). Особая ее опасность состоит также в том, что в условиях республиканского правления она осуществляется субъектами политики, уполномоченными принимать решения от имени народа. Поэтому такая власть, как правило, не афиширует своих коррупционных целей и вынуждена имитировать демократические процессы, подменяя их на деле авторитарными практиками.

Подобную политическую коррупцию называют экстрактивной институциональной. Под этим термином понимается синтез административной и политической коррупции, когда политическая элита или класс использует аппарат государства в качестве

инструмента для извлечения ресурсов из общества, при котором распространение коррупции достигает таких масштабов и уровня структурированности, что государственно-властные решения принимаются не в интересах общества и даже не в интересах частного бизнеса, а исключительно в интересах коррумпированных бюрократических структур. Институциональная экстрактивная коррупция не является побочным продуктом развития социально-политической системы, а целенаправленно выступает в качестве главного стержневого механизма, обеспечивающего повышение управляемости коррумпированной государственной системой перед риском потери нитей управления для извлечения ренты и для контроля власти и богатства под угрозами любого давления. В результате она может трансформироваться в коррумпированную государственную систему и даже в мафиозное государство [Роуз-Аккерман, 2003. С. 149–150, 175–179; Amundsen Inge, 1999. Рр. 3, 7; Лазарев, 2011. С. 5].

Но для того, чтобы использовать ресурсы публичной власти в целях личного или группового материального обогащения, эту власть сначала нужно завоевать, а потом удерживать в своих руках, *создав соответствующий политический режим*. Инструментами решения этой задачи служат различные виды политической коррупции. Это в первую очередь электоральная и законодательная коррупция. Потому что только с помощью электоральной коррупции как центрального элемента политической коррупции возможен захват представительной власти, через которую путем законодательной коррупции происходит формально-правовое обеспечение деятельности коррупционного режима. Далее для удержания власти и достижения коррупционных целей могут использоваться другие виды политической коррупции: электоральная коррупция (включая использование административного ресурса, мошенничество с подсчетом голосов, вбросы избирательных бюллетеней, покупку голосов и др.); 2) непотизм (включая политический патронаж) и покупка должностей для занятия невыборных государственных постов; законодательная коррупция (в том числе противозаконный лоббизм) в форме технологии «приватизации государства» для «покупки» или обеспечения потенциально-коррупционных государственно-властных решений; присвоение публичных фондов с использованием политических процедур или для достижения политических целей (в том числе посредством методов «бюрократического» рэкета) – для приобретения имущества в личных целях или для решения групповых коррупционных задач; злоупотребление полномочиями в политических целях (в том числе в обход законно установленных демократических процедур) – для укрепления личной или групповой власти, обеспечения поддержки высокого должностного статуса [Шеввердяев, 2016а. С. 101–102].

Профессор Нисневич разделяет формы политической коррупции по стадиям процесса взаимодействия политических акторов с публичной властью на завоевание (удержание) публичной власти и ее использование [Нисневич, 2016].

То есть среди факторов питательной среды коррупции авторитарный политический режим не всегда первичен. В ряде случаев специально под определенные коррупционные цели с помощью политической коррупции он создается искусственно. Поэтому профессор В.В. Лунеев определяет политическую коррупцию как форму политической борьбы за власть [Лунеев, 2000. С. 102]. Д. Аджемоглу с соавторами пошли дальше – посредством формального моделирования они проанализировали соотношение коррупции и политического процесса и провели аналогию между *клеттократическими режимами и режимами личной власти* как ориентированными на использование власти в целях извлечения прибыли [Acemoglu, 2003; Acemoglu and Robinson, 2006; Acemoglu, Robinson and Verdier, 2004; Лазарев, 2011. С. 53–54]. То есть взгляд на проблему политических режимов может быть совершенно иным в зависимости от целеполагания политических элит. Их характер может быть обусловлен совершенно иными причинами – целью извлечения политической, а, в конечном счете, экономической выгоды.

Именно механизмы политической коррупции являются наиболее надежным и весьма популярным средством для нивелирования влияния конституционализма. Исследования показывают, что в этом случае политическая коррупция является еще и средством универсальным – в нестабильных государствах она выступает в виде «премии за риск» (парламентариям, судьям, сотрудникам правоохранительных органов) при создании определенной, отличной от конституционной модели правопонимания и правоприменения. В стабильных авторитарных режимах коррупция является инструментом контроля над бюрократией, бизнесом и другими «системно значимыми» группами для обеспечения их политической лояльности. Контроль над бюрократией и бизнесом достигается через так называемый «механизм заложников». Все вовлеченные в коррупционный рынок получают определенную прибыль, но при этом попадают в зависимость от карательных органов. Тем самым коррупция создает основу для политики «кнута и пряника». «Кнут» применяется ко всем, кто выступает против режима, и примеры многочисленных избирательных антикоррупционных дел против оппозиционеров лучшее тому подтверждение. Пряником же является выгода от участия в коррупции, распределяемая индивидуально-вручную за лояльность режиму [Шевердяев, 2016а. С. 81–83].

Поэтому большинство основных элементов современных универсальных международных антикоррупционных стратегий имеют конституционно-правовой характер. Современное антикоррупционное знание достигло такой степени системности и точности, что на его основе вполне можно определять, как будут меняться коррупционные практики в зависимости от специфической коррекции властных отношений. В этой связи системное исследование состояния конституционной трансформации России и других постсоветских государств могло бы стать благодатным предметом для анализа антикоррупционной науки. С точки зрения теории политической коррупции крайне любопытным является сравнительно-правовой анализ конституционных трансформаций в странах СНГ, которые вполне могут быть охарактеризованы (по Нисневичу) как политически коррупционные на стадии удержания власти.

Конституционные трансформации в странах СНГ в свете антикоррупционных исследований

Как известно, в начале 1990-х годов во всех странах СНГ были приняты конституции, устанавливающие определённый срок нахождения в должности президента (обычно 5 или 4 года) и лимит на занятие президентской должности одним лицом (не более 2 сроков подряд). В ряде стран имелось также ограничение на возраст кандидата в президенты. Однако очень быстро во многих странах возникли инициативы, а затем и практика продления президентских полномочий, в результате чего находившиеся в должности президенты получили право баллотироваться на третий или даже последующие сроки, либо просто существенно эти сроки продлевали.

При этом использовались схожие конституционные и внеконституционные механизмы. А именно:

- признание первого срока «нулевым», так как он начался до принятия действующей конституции, и разрешение баллотироваться на третий срок как на второй (Леонид Кучма – Украина⁴, Ислам Каримов – Узбекистан, Эмомали Рахмон – Таджикистан, Аскар Акаев – Кыргызстан);

⁴ Леонид Кучма не воспользовался решением Конституционного суда, которым ему предоставлялось право избираться на третий срок.

- устранение путём референдума поправки к Конституции об ограничении на последовательные сроки (Александр Лукашенко – Белоруссия, Нурсултан Назарбаев – Казахстан, Ильхам Алиев – Азербайджан);
- личное пожизненное президентство – в виде исключения – без внесения поправок в Конституцию (Сапармурат Ниязов – Туркмения);
- увеличение президентского срока посредством внесения поправок в Конституцию с автоматическим продлением полномочий действующего президента (Назарбаев – Казахстан, Каримов – Узбекистан). При принятии белорусской конституции 1996 г. полномочия Лукашенко, избранного в 1994 г., были «обнулены» и продлены на два года согласно переходным положениям. В России в 2008 г. сроки конституционных полномочий Президента и Государственной Думы были увеличены до 6 и 5 лет соответственно;
- снятие верхнего ограничения на возраст кандидата в президенты (Борис Ельцин – Россия, Назарбаев – Казахстан, Рахмон – Таджикистан).

Использовались также различные сочетания этих методов (например, Ниязов сначала отсрочил применение положения о двух сроках президентских полномочий, а потом был объявлен пожизненным).

В результате такого искусственного продления полномочий некоторые президенты получили право находиться у власти более 20 лет, считая со времен СССР (Назарбаев и Каримов). В России с учётом возможности «тандема» с председателем правительства один и тот же президент теоретически может находиться у власти бесконечно. То есть налицо конституционные трансформации с целью удержания власти. Таким образом, в конституционные трансформации многих стран – бывших республик СССР вполне могут быть охарактеризованы как имеющие заведомо коррупционный характер. Закономерно, что в результате такого похожего «завоевания власти» режимы этих стран по признаку нераздельности власти и собственности очень быстро стали похожи на другие авторитарные политические режимы. Только скорость, с которой властные группировки в странах СНГ прибрали к рукам все наиболее прибыльные экономические активы, существенно превышает ту, с которой, например, получили свои страны в собственность традиционалистские авторитарные режимы в Центральной Америке [Ворожейкина, 2009. С. 50–68].

Эти режимы постоянно имитировали демократические институты и тоталитарную риторику, без объяснения меняли пропагандистские модели, в отношении потенциальных оппонентов сочетали точечные репрессии и точечную же кооптацию, заменяли политическую конкуренцию соревнованием бюрократических кланов, а конституционную систему сдержек и противовесов – организацией административной биржи, где торгуют ресурсами, полномочиями, угрозами и обещаниями. Тем не менее экономическим фундаментом этого «барочного палаццо» являлась и является покупка лояльности за деньги: как правящий класс, так и граждане наделяются своей долей распределённых доходов, а взамен от первых ожидается участие, а от вторых – пассивность [Шульман, 2015].

Во взаимосвязи с проблематикой политической коррупции на основе подобных конституционных трансформаций Е.А. Лазарев выделил типологию постсоветских режимов и разделил все постсоветские страны на несколько групп. Первая группа – демократическое равновесие, к этому типу режимов он отнес страны Балтии [Taube, 2001]. Вторая группа – демократическое неравновесие – на момент выхода его статьи в 2010 г. к этому типу режимов он относил Украину, Молдову, Армению и Грузию. Третья, четвертая и пятая группы – режимы разной степени авторитарности: авторитарное неравновесие (Киргизия); авторитарное равновесие (Россия, Казахстан и Азербайджан) и закрытый авторитарный режим (Беларусь, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан) [Лазарев, 2010. С. 117–120].

Правда, по поводу равного демократического равновесия в странах Балтии есть серьезные сомнения. Например, А. Рябов и Е. Мишина полагают, что единственным успешным проектом создания постсоветского национального государства, которое завершило посткоммунистический транзит и, несмотря на проблему русскоязычного меньшинства, никакого отношения к постсоветскому пространству не имеет, является Эстония (*unique case* по совокупности показателей экономики, реформы полиции и судебной системы) [Рябов, 2013; Мишина, 2014. С. 98]. В то же время двухобщинная парламентская Латвийская республика, в которой значительная часть населения лишена избирательных прав, а национальные политические партии коалиционным путем осуществили захват парламента и удерживают его на протяжении четверти века, вряд ли может быть отнесена к демократически-равновесному типу политического режима. По мнению К. Таубе, позиция по вопросу гражданства, которую заняла Латвия, вызывает целый ряд вопросов с точки зрения демократии и политической стабилизации. Установление прямой и жесткой связи гражданства и свободного владения государственным языком превратилось в символ возрождения Латвии и одновременно с этим в инструмент политического воздействия, использовавшийся для исключения части населения страны из демократических процессов [Лукьянова, Шаблинский, 2018. С. 190].

Тем не менее исследование Е.А. Лазарева само по себе крайне интересно, потому что анализ идет «от обратного». Если мы доказываем, что авторитарные и демократические режимы различаются своей потенциальной коррупционностью, то Лазарев, наоборот, выводит тип политического режима на основе антикоррупционных данных. И его типология практически полностью совпадает с данными международной организации «Всемирная конференция по конституционному правосудию» [Лазарев, 2011].

Коррупционные политические режимы и ценности политических элит

Один из самых влиятельных философов XX в. Карл Поппер утверждал, что политические институты – как крепости: их надо не только хорошо спроектировать, но и правильно населить [Поппер, 1992. С. 448]. И он совершенно прав. В дискуссии о том, является ли феномен коррупции онтологически присущим всякой публичной власти, недостаточно исследовать только лишь институциональное состояние режима (проектирование крепости). Очень многое зависит от личностей носителей власти (населения крепости). То есть у коррупции есть две важнейшие составляющие – институциональная возможность бесконтрольного и безнаказанного недолжного использования своих полномочий и система личных ценностей людей, принимающих решения, которая вступает или не вступает в противоречие с коррупционным поведением.

В поисках ответа на вопрос, верна ли максима лорда Дж. Актона, А. Рогоу и Г. Лассуэлл методом анализа конкретных ситуаций (*case-study*) исследовали в исторической ретроспективе политические карьеры 30 политиков, которые доминировали в системе публичной власти США в конце XIX – начале XX вв. По результатам исследований они пришли к выводу, что максиму Актона нельзя признать фундаментальной аксиомой и сформулировали следующий вывод: «Честность не расходится с властью. Власть не обязательно ведет к коррупции или, наоборот, не всегда облагораживает» [Рогоу, 2005. С. 55–77]. В этом с ними солидарен Ю.А. Нисневич [Нисневич, 2014], который считает, что, хотя структура и способна в значительной степени предопределять возможности и ресурсы политических акторов, но власть не существует помимо воли субъекта. Субъект является не пассивным носителем роли, а активным агентом. И только его личные действия (бездействия) влияют на результат власти.

То есть налицо зависимость общественно-политических явлений от уровня освоения элитами конституционных и иных общечеловеческих ценностей. В любом коррупционном взаимодействии некто, располагающий публичным статусом и возможностями распоряжаться вверенной ему властью, использует возможности этого статуса не по прямому назначению, не в связи с достижением задач, ради которых данная публичная позиция была создана, а в соответствии с собственными интересами или личными представлениями. Но если его личные представления и интересы совпадают с прямым назначением публичной должности, то шансы его участия в коррупционном взаимодействии будут минимальны.

Склонность к коррупции лиц, мотивированных жадой наживы, обусловлена прежде всего тем, что для таких соискателей должностей публичной власти принцип «цель оправдывает средства» если и не является главным, то во всяком случае рассматривается как вполне приемлемый. Причем первоначальный смысл, заложенный иезуитами в этот принцип, трансформируется: «цель оправдывает любые средства». Поэтому для личной выгоды и обогащения допустимо и возможно использовать должностные полномочия и права, распределять подконтрольные ресурсы в обход любых установленных правил [Нисневич, 2014. С. 37–38]. Под эту цель возможно перекраивать конституционные принципы, менять их смыслы, ломать и коверкать государственные институты, обманывать, жульничать, беспредельничать и даже убивать, создавать любыми способами специальные институциональные коррупционные механизмы.

Итак, на состояние коррупции в сфере публичной власти огромное влияние оказывает внутренняя мотивация тех, кто приходит занять публичные должности. Такая мотивация определяется уровнем развития личности и характером ее ценностных ориентаций (население крепости). Да, она, безусловно, важна. Без нее не случится коррупционного взаимодействия. И все же Карл Поппер прав – хорошо спроектированные крепостные стены (институциональная составляющая) будут серьезно препятствовать коррупционному поведению. Если крепость спроектирована правильно, то тогда для реализации коррупционных целей возможно только два варианта – либо сломать крепость и построить другую, либо снести все внутренние перегородки, оставив фасад сооружения. Это, собственно, и есть тот самый образ имитационного политического режима, если его истинной целью является обогащение и нажива.

В итоге получается, что коррупционные государства и авторитарные политические режимы имеют одинаковые причины и институциональные основы. Развитие коррупционных и авторитарных государств в подавляющем большинстве случаев происходит по одному сценарию. Задачей псевдodemократической имитации авторитаризма может являться попытка сокрытия истинных коррупционных целей и задач власти. В такой ситуации конституционализм становится безусловной жертвой коррупции, поскольку является серьезной преградой на ее пути, которую коррупционному режиму необходимо устранить.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиев И.В., Калягин Г.В. (2005). *Спрос и предложение государственных властных услуг: институциональный анализ*. М.: Спрос М.
- Бондаренко С.В. (2002). *Коррупцированные общества*. Ростов-на-Дону: Ростиздат.
- Ворожейкина Т. (2009). Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия // *Вестник общественного мнения*. № 4. С. 50–69. www.levada.ru/sites/default/files/vom_2009.4_102.pdf (проверено 16.01.2020).
- Лазарев Е.А. (2010). Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций // *Политические исследования*. № 2. С. 106–121.

- Лазарев Е.А. (2011). Коррупция и политическая стабильность: институциональная перспектива // *Полития*. № 1(60). С. 50–68.
- Лукьянова Е.А., Шаблинский И.Г. (2018). Авторитаризм и демократия. М.: Мысль.
- Лунев В.В. (2000). Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: Тезисы доклада // *Государство и право*. № 4. С. 99–102.
- Мишина Е.А. (2014). Длинные тени советского прошлого. М.: Фонд «Либеральная Миссия».
- Многоликая коррупция. Выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления (2010) / Под ред. Д. Кампос, С. Прадхан. М.: Альпина Паблишерз.
- Нисневич Ю.А. (2013). Коррупция – излечимая болезнь? // *Republic*. republic.ru/posts/1/964787 (проверено 16.01.2020).
- Нисневич Ю.А. (2014). Публичная власть и коррупция: социально-антропологический подход // *Полис*. Политические исследования. № 6. С. 32–51.
- Нисневич Ю.А. (2015). Коррупция в исторической ретроспективе с уточнениями и дополнениями // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 90–100.
- Нисневич Ю.А. (2016). Коррупция: инструментальная концептуализация // *Социологические исследования*. № 5. С. 61–68.
- Основные понятия и концепции антикоррупционной деятельности: учебное пособие (2015). Совет Европы. rm.coe.int/-/16806eed0c (проверено 16.01.2020).
- Поппер К.Р. (1992). Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива».
- Рогу А.А. (2005). Власть, коррупция и честность. М.: Издательство РАГС.
- Роуз-Аккерман С. (2003). Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос.
- Рябов А. (2013). Постсоветские государства: дефицит развития на фоне политико- экономического многообразия // *Вестник Института Кеннана в России*. Вып. 23. С. 7–17.
- Троицкая А.А. (2016) Современные международные правовые и этические антикоррупционные стандарты и российское конституционное законодательство // *Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом. Учебно-методический комплекс (учебное пособие)* / Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Юстицинформ. С. 459–507.
- Фьелде Х., Хегре Х. (2014). Политическая коррупция и институциональная устойчивость // *Studies in Comparative International Development*. № 49(3). С. 267–299. lap.hse.ru/data/2014/04/01/1317122317/%D0%9F%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.docx (проверено 16.01.2020).
- Шевердяев С.Н. (2016a). Конституционное право и коррупция: введение в проблему // *Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом. Учебно-методический комплекс (учебное пособие)* / Под ред. Авакьяна С.А. М.: Юстицинформ. С. 13–126.
- Шевердяев С.Н. (2016b). Конституционно-правовые подходы к разработке антикоррупционной проблематики: основные маршруты // *Сравнительное конституционное обозрение*. № 4. С. 73–91.
- Шульман Е. (2015). Верховенство права: Зима близко // *Ведомости*. № 3904. www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/08/26/606392-zima-blizko (проверено 16.01.2020).
- Acemoglu D. (2003). Why Not a political Coase theorem? Social Conflict, Commitment, and Politics // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 31. No. 4. Pp. 620–652.
- Acemoglu D., Robinson J. and Verdier T. (2004). Alfred Marshall Lecture: Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 2. No. 2–3. Pp. 162–192.
- Acemoglu D. and Robinson J. (2006). *Economic origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Amundsen I. (1999). *Political Corruption: An Introduction to the Issues*. Bergen: Chr. Michelsen Institute.
- Klitgaard R. (1988). *Controlling Corruption*. Oakland: University of California Press.
- Taube C. (2001). *Constitutionalism in Estonia, Latvia & Lithuania: A Study in Comparative Constitutional Law* (Skifter Fran Juridiska Fakulteten Uppsala, 86). Lustu Forlag.
- The World Bank. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project. info.worldbank.org/governance/wgi/ (accessed 16.01.2020).
- Transparency International Corruption Perceptions Index. www.transparency.org/research/cpi/overview (accessed 16.01.2020).

Лукьянова Елена Анатольевна
pravoslovo@mail.ru

Elena Lukyanova

professor of Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, National Research University
Higher School of Economics, Doctor of Law Sciences
pravoslovo@mail.ru

POLITICAL REGIMES, CORRUPTION AND CONSTITUTIONALISM

Abstract. Until recently, the issues of anti-corruption and the problems of constitutional law were studied separately. Although it is the anti-corruption approach to legal issues that allows to expand the constitutional law instrumentarium.

The author analyzes the so-called corruption equation of Robert Klitgaard: "Corruption = Monopoly + Freedom of action – Accountability." The article proposes the "anti-corruption equation" translated in legal language: "Regular alternation of power + Power, limited by the law + System of checks and balances". The author puts forward and substantiates the hypothesis that the totality of anti-corruption requirements constitutes the formula of a democratic law-bound state that operates in conditions of the human rights priority and the rule of law. And vice versa, the Klitgaard's "corruption equation" in the same legal translation constitutes the formula of an authoritarian political regime.

The article analyzes various classifications of corruption and notes the particular danger of political corruption. It has a comprehensive systemic nature and uses the infrastructure of the entire political process, rather than of a separate department or a separate public office, to achieve corruption goals. Under the conditions of the republic state, the government usually does not show its corruption goals and is forced to imitate democratic processes, replacing them with authoritarian practices. The mechanism of political corruption, therefore, becomes a means for leveling constitutionalism. At the same time, an authoritarian political regime is not always a primary and necessary factor of corruption. In some cases, such regime is created artificially specifically for certain corruption goals.

In support of the stated theses, the author analyzes constitutional transformations in the CIS countries in the light of anti-corruption research.

Keywords: *political regimes, constitutionalism, corruption, rule of law, system of checks and balances, separation of powers.*

JEL: D72, D73, K00, K19, L38.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. and Verdier T. (2004). Alfred Marshall Lecture: Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 2. No. 2–3. Pp. 162–192.
- Acemoglu D. and Robinson J. (2006). *Economic origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Amundsen I. (1999). *Political Corruption: An Introduction to the Issues*. Bergen: Chr. Michelsen Institute.
- Averk'iev I.V., Kalyagin G.V. (2005). Spros i predlozhenie gosudarstvennykh vlastnykh uslug: institutsional'nyy analiz [Demand and Supply of Government Power Services: Institutional Analysis]. M.: Spros M.
- Bondarenko S.V. (2002). *Korrumpirovannye obshchestva [Corrupt societies]*. Rostov-on-Don: Rostizdat.
- F'elde Kh., Khegre Kh. (2014). Politicheskaya korruptsiya i institutsional'naya ustoychivost' [Political corruption and institutional sustainability] // *Studies in Comparative International Development*. No. 49(3). Pp. 267–299. lap.hse.ru/data/2014/04/01/1317122317/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%9A%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D1%87%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.docx (accessed 16.01.2020).
- Klitgaard R. (1988). *Controlling Corruption*. Oakland: University of California Press.
- Lazarev E.A. (2010). Politicheskaya korruptsiya: ob'yasnyaya prirodu postsovetskikh transformatsii [Political corruption: explaining the nature of post-Soviet transformations] // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2. Pp. 106–121.
- Lazarev E.A. (2011). Korruptsiya i politicheskaya stabil'nost': institutsional'naya perspektiva [Corruption and political stability: an institutional perspective] // *Politiya*. No. 1(60). Pp. 50–68.
- Luk'yanova E.A., Shablinskiy I.G. (2018). *Avtoritarizm i demokratiya [Authoritarianism and democracy]*. M.: Mysl'.
- Lunev V.V. (2000). Korruptsiya: politicheskie, ekonomicheskie, organizatsionnye i pravovye problemy (teziy doklada) [Corruption: political, economic, organizational and legal problems (theses of the report)] // *Gosudarstvo i pravo*. No. 4. Pp. 99–102.

- Mishina E.A. (2014). Dlinnye teni sovetskogo proshlogo [Long shadows of the Soviet past]. M.: Fond "Liberal'naya Missiya".
- Mnogolikaya korruptsiya. Vyyavlenie uyazvimykh mest na urovne sektorov ekonomiki i gosudarstvennogo upravleniya (2010). [Many-sided corruption. Identification of vulnerabilities at the level of sectors of the economy and public administration]. Ed. by Campos D., Pradkhan S. M.: Al'pina Pablisherz.
- Nisnevich Yu.A. (2013). Korruptsiya – izlechimaya bolezнь? [Is corruption a treatable disease?] // Republic. republic.ru/posts/1/964787 (accessed 16.01.2020).
- Nisnevich Yu.A. (2014). Publichnaya vlast' i korruptsiya: sotsial'no-antropologicheskii podkhod [Public authority and corruption: a socio-anthropological approach] // Polis. Politicheskie issledovaniya. No. 6. Pp. 32–51.
- Nisnevich Yu.A. (2015). Korruptsiya v istoricheskoy retrospektive s utochneniyami i dopolneniyami [Corruption in historical retrospective with clarifications and additions] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. No. 3. Pp. 90–100.
- Nisnevich Yu.A. (2016). Korruptsiya: instrumental'naya kontseptualizatsiya [Corruption: instrumental conceptualization] // Sotsiologicheskie issledovaniya. No. 5. Pp. 61–68.
- Osnovnye ponyatiya i kontseptsii antikorrupcionnoy deyatel'nosti: uchebnoe posobie (2015). [Basic concepts and concepts of anti-corruption activities: a training manual]. Council of Europe. rm.coe.int/-/16806eed0c (accessed 16.01.2020).
- Popper K.R. (1992). Otkrytoe obshchestvo i ego vragi [Open Society and its Enemies]. M.: Feniks: Mezhdunarodnyy fond «Kul'turnaya initsiativa».
- Rogou A.A. (2005). Vlast', korruptsiya i chestnost' [Authority, corruption and honesty]. M.: Izdatel'stvo RAGS.
- Rouz-Akkerman S. (2003). Korruptsiya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy [Corruption and the State. Reasons, consequences, reforms]. M.: Logos.
- Ryabov A. (2013). Postsovetskie gosudarstva: defitsit razvitiya na fone politiko- ekonomicheskogo mnogoobraziya [Post-Soviet states: development deficit amid political and economic diversity] // Vestnik Instituta Kennana v Rossii. Vol. 23. Pp. 7–17.
- Sheverdyayev S.N. (2016a). «Konstitutsionnoe pravo i korruptsiya: vvedenie v problemu» [Constitutional Law and Corruption: Introduction to the Problem] //Konstitutsionno-pravovye osnovy antikorrupcionnykh reform v Rossii i za rubezhom. Uchebno-metodicheskii kompleks (uchebnoe posobie) [Constitutional and legal foundations of an anti-Corruption reforms in Russia and abroad. Methodical Complex (textbook)] / Ed. by Avakyan S.A. M.: Yustitsinform. Pp. 13–126.
- Sheverdyayev S.N. (2016b). Konstitutsionno-pravovye podkhody k razrabotke antikorrupcionnoy problematiki: osnovnye marshruty [Constitutional and legal approaches to the development of anti-corruption issues: main routes] // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. No. 4. Pp. 73–91.
- Shul'man E. (2015). Verkhovenstvo prava: Zima blizko [Rule of law: Winter is coming] // Vedomosti. No. 3904. www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/08/26/606392-zima-blizko (accessed 16.01.2020).
- Taube C. (2001). Constitutionalism in Estonia, Latvia & Lithuania: A Study in Comparative Constitutional Law (Skifter Fran Juridiska Fakulteten Uppsala, 86). Lustu Forlag.
- The World Bank. The Worldwide Governance Indicators (WGI) project. info.worldbank.org/governance/wgi/ (accessed 16.01.2020).
- Transparency International Corruption Perceptions Index. www.transparency.org/research/cpi/overview (accessed 16.01.2020).
- Troitskaya A.A. (2016). Sovremennye mezhdunarodnye pravovye i eticheskie antikorrupcionnye standarty i rossiyskoe konstitutsionnoe zakonodatel'stvo [Modern international legal and ethical anti-corruption standards and Russian constitutional legislation] // Konstitutsionno-pravovye osnovy antikorrupcionnykh reform v Rossii i za rubezhom. Uchebno-metodicheskii kompleks (uchebnoe posobie) [Constitutional and legal foundations of an anti-Corruption reforms in Russia and abroad. Methodical Complex (textbook)] / Ed. by Avakyan S.A. Moscow: Yustitsinform. Pp. 459–507.
- Vorozheykina T. (2009). Avtoritarnye rezhimy XX veka i sovremennaya Rossiya: skhodstva i otlichiya [Authoritarian regimes of the twentieth century and modern Russia: similarities and differences] // Vestnik obshchestvennogo mneniya. No. 4. Pp. 50–69. www.levada.ru/sites/default/files/vom_2009.4_102.pdf (accessed 16.01.2020).